

Селиванов Василий Васильевич

**Сочинения Василия Васильевича
Селиванова**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
В19

В19 **Василий Васильевич С.**
Сочинения Василия Васильевича Селиванова: Том 1 / Селиванов Василий Васильевич –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 404 с.

ISBN 978-5-519-85192-3

ISBN 978-5-519-85192-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Василій Васильевичъ Селивановъ родился 28 февраля 1813 г. въ г. Зарайскѣ, Рязанской губ. Получивъ воспитаніе въ частномъ пансіонѣ Кистера въ Москвѣ, онъ поступилъ въ военную службу въ Драгунскій Казанскій полкъ унтеръ-офицеромъ, будучи 17 лѣтъ (въ 1830 г.) Въ томъ же году произведенъ въ юнкера и затѣмъ въ слѣдующемъ году за отличіе въ сраженіи противъ польскихъ мятежниковъ былъ произведенъ въ прапорщики. Онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ: 2 февраля 1831 г. при переправѣ черезъ рѣку Вислу въ мѣстѣчкѣ Пулавахъ; 7-го февраля при мѣстѣчкѣ Казеницѣ, во время отраженія мятежниковъ, сдѣлавшихъ подъ предводительствомъ Дверницкаго сильное нападеніе на отрядъ генерала Барона Крейца, и за отличіе въ этомъ дѣлѣ былъ награжденъ знакомъ военного ордена; съ 11 по 12 февраля при деревнѣ Тырчанѣ; 27 февраля при взятіи приступомъ гор. Люблина; съ 4 по 7 марта во время движенія отряда генерала Барона Крейца для преслѣдованія корпуса Серавскаго въ авангардѣ; 4 апрѣля при с. Бабинѣ; 5 при Вроновѣ; 6 при мѣстѣчкѣ Казиміровѣ; 28 апрѣля въ дѣлѣ подъ Ленчымъ; 29 подъ мѣстечкомъ Старымъ Замошымъ; 3 іюля при селеніи Млинержѣ и 11 во время слѣдованія отъ города Остроленки черезъ Пултускъ на присоединеніе къ главной арміи при мѣстѣчкѣ Рационжѣ. Въ 1837 году онъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, а въ слѣдующемъ году, согласно его желанія, прикомандированъ къ Штабу Корпуса

жандармовъ, куда и былъ вскорѣ переведенъ съ назначеніемъ за адъютанта къ штабсъ-офицеру Харьковской губ. Въ 1841 г. былъ перемѣщенъ на ту же должность въ Курскую, а затѣмъ снова въ Харьковскую губ. Въ 1842 г. онъ былъ по прошенію уволенъ отъ службы съ чиномъ капитана и съ мундиромъ. По выходѣ въ отставку и женившись на Марьѣ Дмитриевнѣ Желтухиной, онъ около 13 лѣтъ прожилъ у себя въ имѣніи (сельцѣ Любавѣ), занимаясь хозяйствомъ. Къ этому времени съ 1843 по 1857 г. относятся его труды по археологіи (рисунки и изданія Рязанскихъ древностей), а также большая часть литературныхъ произведеній.

Въ 1857 г. онъ снова поступилъ на службу въ Рязанскую Палату Государственныхъ Имуществъ на должность совѣтника Хозяйственнаго Отдѣленія Палаты съ переименованіемъ въ коллежскіе секретари. Въ 1857 г. былъ награжденъ слѣдующимъ чиномъ титулярнаго совѣтника, но, по просьбѣ его, въ томъ же году переименованъ въ прежній военный чинъ капитана, который за нимъ и сохранился навсегда. Въ 1860 г., съ цѣлью воспитанія дѣтей, перешелъ на службу въ Москву, получивъ тамъ мѣсто полиціймейстера Воспитательнаго Дома. Въ этой должности онъ прослужилъ 9 лѣтъ, а за тѣмъ вышелъ въ отставку и поселился уже окончательно въ деревнѣ, посвятивъ себя земской дѣятельности. Былъ губернскимъ и уѣзнымъ гласнымъ, председателемъ Училищнаго Совѣта и, наконецъ, непремѣннымъ членомъ Уѣзднаго Присутствія по крестьянскимъ дѣламъ. Въ качествѣ губернскаго гласнаго, В. В. Селивановъ возбуждалъ нѣсколько важныхъ вопросовъ. Между прочимъ онъ первый заговорилъ о необходимости уничтоженія института мировыхъ посредниковъ, утратившихъ свое первоначальное значеніе, о средствахъ къ ограниченію пьянства и семейныхъ раздѣловъ въ средѣ крестьянъ и, въ особенности, настойчиво, но безуспѣшно, онъ возбуждалъ ходатайства объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній между крестьянами. Къ сожалѣнію, ни рѣчи его, ни замѣчательныя пренія въ Рязанскихъ земскихъ собраніяхъ по этому вопросу, по независящимъ обстоятельствамъ, не были напечатаны въ журналахъ Земскаго Собранія. Служебныя непріятности, вызванныя партійною борьбою въ Зарайскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ принадлежалъ къ прогрессивному меньшинству, отразились на его здо-

ровъ и 12 августа 1875 г. онъ внезапно скончался отъ разрыва сердца, оплакиваемый крестьянами, которые теряли въ немъ своего покровителя и защитника.

Какъ писатель, В. В. Селивановъ принадлежитъ къ эпохѣ пятидесятихъ годовъ, когда въ нашей литературѣ царили двѣ соперничающія между собою партіи: славянофиловъ и западниковъ. Позднѣе эти партіи слились въ одну народническую съ умѣренно-либеральнымъ оттѣнкомъ. Но въ то переходное время борьба между славянофилами и западниками выражалась въ крайнѣ рѣзкихъ формахъ и казалась непримиримой, не смотря на то, что ихъ одинаково связывало отвращеніе къ крѣпостному праву. В. В. Селивановъ примыкалъ къ славянофиламъ, хотя и былъ чуждъ нѣкоторымъ крайностямъ послѣднихъ, и его мало интересовала политическая программа славянофиловъ. Онъ былъ человѣкъ глубоко вѣрующій и горячій патріотъ. Всѣ его сочиненія проникнуты искреннею любовію ко всему русскому и тѣмъ народнымъ духомъ, который составлялъ отличительную особенность лучшихъ писателей славянофильскаго лагеря: Хомякова, Аксакова и др. Къ числу лучшихъ произведеній его пера относится безспорно: «Годъ русскаго земледѣльца», въ первый разъ напечатанный въ Русской Бесѣдѣ, изд. Кошелевымъ. Это сочиненіе, какъ справедливо отмѣчено издателями Русской Бесѣды, „замѣчательно по истинно русскому духу, которымъ все оно проникнуто“. „Такого рода произведенія,“ говорятъ они далѣе, „имѣютъ особенную важность теперь, когда изученіе русскаго быта стало общею задачею, какъ литературы, такъ и всѣхъ людей мыслящихъ“. Сочиненіе это было принято какъ критикой, такъ и всей читающей публикой вообще въ высшей степени сочувственно. Во многихъ хрестоматіяхъ и сборникахъ стали появляться извлеченія и отрывки изъ этого труда, который признанъ былъ образцовымъ не только по своему содержанію, но и по языку. Сочиненія В. В. Селиванова разбросаны по различнымъ журналамъ, почему далеко не всѣ пользуются известностью, что и побудило меня собрать ихъ вмѣстѣ, присоединить къ нимъ и нѣкоторыя изъ неизданныхъ сочиненій покойнаго писателя. Все собраніе сочиненій состоитъ изъ двухъ томовъ. Въ первый томъ вошли—семейная хроника и воспоминанія. Во 2-й томъ—всѣ прочія сочиненія В. В. Сели-

ванова, какъ прежде изданныя (Годъ русскаго земледѣльца, День помѣщика и др.) такъ и вновь издаваемыя (Новый бѣсъ и Дворянскіе выборы). Кромѣ того въ этомъ томѣ помѣщены мелкія статьи, отрывки, стихотворенія, земскіе доклады и заявленія и проч., а также мною составленная и пересмотрѣнная по послѣднимъ имѣющимся у меня даннымъ, родословная Селивановыхъ.

А. Селивановъ.

ПРЕДАНИЯ и ВОСПОМИНАНИЯ¹⁾.

ГЛАВА I.

Рожденіе мое и смерть матери.—Характеристика покойной матери.—Могила ея.—Мое дѣтство.—Первыя сознательныя впечатлѣнія.—Мамка.—Воспоминанія о 12-мъ годѣ.—Общество офицеровъ.—Полковникъ Ивановъ.—Подполковникъ Муравскій.—Маіоръ Померанскій.—Есиповъ и сем. Чагиныхъ.—Трагическое происшествіе.—Вліяніе на меня военныхъ.—Воспитаніе братьевъ.—Французъ Пемпаре.—Мое первое знакомство съ природой.—Ученье.—Дѣдушка Павелъ Михайловичъ.—Письмо его къ сыну.—Семья его.—Бабушка Надежда Николаевна.—Николай и Михаилъ Павловичи.—Забавы ихъ.—Раздѣлъ имѣнія.—Начало рода Селивановыхъ.—Кичибей.—Потомство его.—Михаилъ Ивановичъ и его дѣти: Игнатъ и Павелъ.—Дѣти Игнатія Михайловича: Иванъ, Дмитрій и Максимъ.—Ихъ дѣти и внуки.—Павелъ Михайловичъ и его сыновья.—Асонъ Васильевичъ.—Авдотья и Прасковья Асоновны.—Иванъ меньшей Павловичъ, первый владѣлецъ Любавы.—Жена его, Агафья Сидоровна, урожденная Любавская.—Дѣти ихъ.—Михаилъ Ивановичъ.—Василій Яковлевичъ Еропкинъ.—Тяжба.—Потомство Степана Ивановича.—Романъ Михайловичъ.—Дѣти его.—Левъ Юрьевичъ, Деньщикъ Петра Великаго.—Преданіе о немъ.—Его помѣшательство.—Указъ Петра второго.—Анекдотъ изъ жизни Льва Юрьевича.—Дѣти Ивана Романовича.—Осипъ Ивановичъ.—Прасковья Осиповна Нестерова.—Письмо Осипа Ивановича.—Николай Михайловичъ Нестеровъ.—Его семейство.

Въ столѣтнемъ календарѣ изданія 1802 года, въ книгѣ, постоянно лежавшей на письменномъ столѣ моего покойнаго отца, на оборотѣ верхней крышки кожанаго, довольно обветшавшаго, переплета есть замѣтка, писанная собственною его рукою, слѣдующаго содержанія: «Въ городѣ Зарайскѣ, 1813 года, февраля 28 числа, на память преподобнаго Василия, рожденіе сына моего Василия (т. е. меня). Крестины были марта 5 дня; священнодѣйствовалъ Вознесенской церкви священникъ Іоаннъ Тимофеевичъ; воспріемниками были братъ Николай Павловичъ и тетушка Марья Николаевна Нестерова; тезоименитство того-жъ 28 числа.»

Ниже другая замѣтка:

«1813 года, марта 7 дня, въ пятницу, въ 5 часовъ пополудни, скончалась любезная супруга моя, Александра Петровна; погребена въ с. Куковѣ. Замужество ея было 12 лѣтъ и 11 мѣсяцевъ, а всего житія 28 лѣтъ».

¹⁾ Преданія и Воспоминанія были напечатаны въ первый разъ въ журналѣ „Историческая Библіотека“.

Не на радость ближнимъ, какъ видитъ читатель, было мое рожденіе. Мать моя, за недѣлю до родовъ, ѣздила куда-то въ гости въ однихъ башмакахъ по шелковому чулку и простудилась. Будучи чрезвычайно терпѣлива, а можетъ быть и изъ страха, чтобъ ее не бранили, таила болѣзнь, хотя слѣдствіе простуды давало себя чувствовать колотьемъ въ боку. Она страдала, но не показывала страданія, пока не пришелъ часъ родить. Роды совершились благополучно, но болѣзнь усиливалась не днямъ, а по часамъ, и, наконецъ, разлилось молоко. Напрасно Егоръ Ивановичъ, лекаръ-нѣмецъ, давалъ микстуры, ставилъ горчичники, ничто не помогло.... Часовъ за 5 до смерти, когда Егоръ Ивановичъ пріѣхалъ ее навестить и щупалъ пульсъ, мать моя сказала ему: ну что, колбасникъ. Ты говорилъ, что мнѣ къ твоему пріѣзду будетъ хуже, анъ мнѣ лучше: теперь я не чувствую никакой боли.... Отъ этихъ словъ больной, у Егора Ивановича лице судорожно скривилось въ улыбку; онъ промычалъ; гм!... и уѣхалъ. Скоро началась предсмертная агонія. У постели страдальцы сидѣла Прасковья Ивановна—одна изъ дворовыхъ женщинъ, которой поручено было наблюдать за больною. Отъ утомленія и бессонныхъ ночей, она скоро заснула и больная осталась предоставленною самой себѣ. Послѣ полуночи, когда пришелъ взглянуть на нее мой отецъ, онъ увидѣлъ раздирающую картину. Сальный огарокъ, стоявшій на столѣ, нагорѣлъ и едва слабымъ мерцаніемъ озарялъ комнату; умирающая лежала въ постели, болѣзненно разметавшись и судорожно переводя дыханіе, губы ея почернѣли и ссохлись; растрепанные волосы набились въ ротъ.... Эта картина такъ сильно врѣзалась въ памяти моего отца, что, при воспоминаніи о быломъ, постоянно терзала его совѣсть. Онъ не могъ простить себѣ, зачѣмъ не сидѣлъ онъ самъ въ эту страшную ночь у кровати умиравшей; но не могъ простить и Прасковью Ивановну ея сонливости. До самой ея смерти, послѣдовавшей уже въ 30-хъ годахъ, онъ чувствовалъ къ ней непреодолимое отвращеніе, хотя ни словомъ, ни дѣломъ никогда не показывалъ ей этого.

Не бывши самовидцемъ, я, естественно, не могу передать читателямъ того отчаянія, которое овладѣло отцомъ моимъ въ первыя минуты кончины матери; но, какъ рассказывали мнѣ бывшіе при этомъ, онъ не плакалъ... Онъ толь-

ко поблѣднѣлъ, какъ плотно, и хохоталъ,—хохоталъ такъ, что наводилъ на всѣхъ ужасъ. Ему открыли кровь. Въ самомъ дѣлѣ, утрата была неоцѣнима, не говоря о томъ, что лишиться молодой любимой жены, въ полномъ цвѣтѣ ея красоты и молодости, ужасно; но, кромѣ этого, на рукахъ отца оставалось восемь сиротъ, малъ-мала меньше. Ко всему этому онъ могъ еще упрекнуть себя и въ излишней вспыльчивости и даже подчасъ въ излишне суровомъ обращеніи съ нею; тогда какъ напрасно искалъ-бы въ своей памяти чего-нибудь такого, въ чемъ бы могъ обвинить ее. Общій отзывъ всѣхъ, знавшихъ покойницу былъ таковъ, что кротче и добрѣе женщины они не встрѣчали. Современниковъ поражало въ ней уже и то, что, не подчиняясь духу времени и примѣру тогдашнихъ барынь, она не только никогда никого не прибила, но даже никто изъ прислуги не слыхалъ отъ нея суроваго, не говоря уже браннаго, слова. Одинъ только разъ, сказывалъ мой отецъ, домашній парикмахеръ, Федотъ, мальчикъ лѣтъ 16 и страшный шалунъ, разсердилъ ее именно тѣмъ, что вмѣсто того, чтобъ придти въ свое время причесать ей волосы, ушелъ куда-то съ рабочими въ поле и долго пропадалъ. Узнавъ, что онъ, наконецъ, возвратился, она выбѣжала къ нему въ лакейскую и, выбравъ дуракомъ, буквально однимъ пальцемъ, какъ рассказывалъ въ послѣдствіи самъ Федотъ, толкнула его въ щеку. Сдѣлавъ это страшное дѣло, она побѣжала обратно въ спальню и, бросившись на постель, зарыла лице свое въ подушки. Въ этомъ состояніи нашелъ ее отецъ и долго не могъ успокоить въ ней опасенія, что она очень больно сдѣлала Федоту. Въ другой разъ она меня и самого очень оскорбила, говорилъ мой отецъ. Будучи по дѣламъ въ Рязани, я купилъ ей тамъ на платьѣ ситцу и привезъ въ подарокъ. Когда я показывалъ ей мою покупку, она, посмотрѣвъ на узоръ, сказала: Эхъ, Вася, что это тебѣ понравилось? не хорошо.—А, не хорошо, возразилъ я холодно... подайте ножницы! и тутъ-же, при ней, изрѣзалъ весь ситецъ въ мелкіе куски.

Мучимый и сознаніемъ о невозвратной потерѣ друга и совѣстью, что не вполне умѣлъ цѣнить ее при жизни, отецъ мой часто впадалъ въ меланхолію и, подъ вліяніемъ этого настроенія духа, вообразилъ ее святою. Лѣтъ 7 или 8 спустя

послѣ ея кончины, рядомъ съ ея могилою копали могилу Николаю Ивановичу Коробину, двоюродному брату отца, и, выбрасывая землю, могильщики открыли могильный склепъ матушки. Когда объ этомъ услыхалъ мой отецъ, онъ выбралъ время, когда близъ церкви никого не было, спустился въ яму, приподнялъ крышку завѣтнаго гроба и заглянулъ въ него. Онъ былъ увѣренъ найти тѣло нетлѣннымъ, но, что онъ нашелъ, онъ не сказалъ никому.

Надъ могилою матушки отецъ мой поставилъ камень, состоящій изъ базы, съ полуколонною, увѣнчанной пылающею урною. На одной изъ мраморныхъ досокъ, вдѣланныхъ въ этотъ могильный памятникъ, была изсѣчена эпитафія, сочиненная помѣщикомъ-сосѣдомъ, Николаемъ Яковлевичемъ Любавскимъ, который питалъ къ усопшей благоговѣйное уваженіе.

Вотъ она:

„Чей прахъ сокрытъ лежитъ въ семъ гробѣ мрачномъ тѣсномъ?
„То я, чей образъ вѣкъ жить будетъ въ сердцѣ нѣжномъ;
„Слезой здѣсь гробъ роситъ страдающій супругъ,
„Въ сей горести его, къ ней духъ его стремится,
„Бывъ въ жизни сопряженъ, съ ней въ небѣ соединится.

А на другой сторонѣ памятника:

„Прими въ твой вѣчный кровъ безсмертный духъ ея:
„Она была достойна милости Твоея....

Въ 1813 году отецъ мой былъ зарайскимъ уѣзднымъ предводителемъ; по этому обстоятельству онъ и жилъ тогда въ Зарайскѣ. Квартиру занималъ онъ въ домѣ Масленникова, что на Ильинской улицѣ, близъ церкви Ильи Пророка. Домъ этотъ оставался безъ всякаго измѣненія до 1859 года, т. е. до пожара, истребившаго большую часть города. Домъ этотъ былъ тогда двухъэтажный, но какъ верхній деревянный этажъ сгорѣлъ, то нижнюю каменную его часть исправили, покрыли и въ этомъ обновленномъ видѣ онъ и донинѣ красуется.

По приведеніи меня въ христіанскую вѣру, т. е. по совершеніи надо мною таинства крещенія, меня съ кормилицею, вѣроятно, во избѣжаніе тѣсноты, отправили къ бабушкѣ Федосьѣ Николаевнѣ, въ село Куково¹⁾, а дней черезъ пять привезли туда-же и опустили въ могилу, близъ церкви, тѣло моей скончавшейся матери.

Обо мнѣ почти забыли. ..

Съ обтертою отъ новой коленкоровой рубашки кожей, ни разу послѣ крестинъ немытою, недѣлю спустя послѣ похоронъ матери, поревезли меня съ кормилицею къ отцу.

Не предупредивши его ни о чемъ, велѣли кормилицѣ вынести меня къ нему и, когда вынесли, я инстинктивно протянулъ къ нему руки. Онъ не выдержалъ, зарыдалъ, схватилъ меня на руки и уже болѣе не разставался со мною. Впослѣдствіи говорили, что я его баловень, что онъ будтобы любилъ меня болѣе другихъ дѣтей.

Первая минута сознательнаго состоянія моего бытія, какъ я припоминаю, захватила меня въ моей маленькой дѣтской, въ с. Любавѣ ²⁾. Это было, какъ я полагаю, въ 15-мъ году, въ маѣ или въ іюнѣ мѣсяцахъ. Я стою по серединѣ комнаты; на мнѣ надѣта ситцевая рубашечка, набитая розовыми цвѣточками, въ видѣ мелкихъ гвоздичекъ. Вотъ старая мама подпоясала меня тесемкой съ вытканною на ней молитвою; деревяннымъ гребнемъ, какимъ она расчесывала свою кудельку, причесала мнѣ волосы и повела въ садъ.

Мамка моя, Настасья, которую я звалъ обыкновенно мамою, была старуха, лѣтъ подъ 70. Взята она была въ должность мамки изъ крестьянскаго дома Бобровыхъ, существующаго и понынѣ въ Любавѣ и переселеннаго батюшкою изъ Цензенской вотчины, почему всѣ дворовые люди матушку мою величали Бобрихой.

Не могу судить о достоинствѣ ухода за мною старухи, однакожъ помню, что въ деревянной, довольно ветхой, моей кроваткѣ водились въ обиліи клопы, которые меня, впрочемъ, не кусали, и что зимою мама покрывала меня, сверхъ одѣяла, своею заячьею шубенкою, что было мнѣ очень пріятно... Когда, бывало, въ долгія зимнія ночи я просыпался и на меня нападали страхъ и тоска, я будилъ маму и требовалъ, чтобы она несла меня къ отцу, она сквозь сонъ, стуча кулакомъ о свои подмостки, говорила: молчи... тссъ! слышишь, староста съ мѣшкомъ пришелъ, въ окошко стучить... вотъ тебя унесетъ! и я со страху умолкалъ и засыпалъ отъ ску-

¹⁾ Село Куково на рѣкѣ Осетрѣ, въ 9-ти верст. отъ г. Зарайска.

²⁾ Сельцо Любаво въ 22 верстахъ отъ г. Зарайска, между Коломною и Рязанью. До сего времени оно сохраняется въ нашемъ родѣ Примѣч. А. С.

ки; но, по большей части, часы такой бессонницы бывали мучительны. Не легко было дѣтскому, напуганному воображенію примириться съ непроницаемымъ ночнымъ мракомъ, при закрытыхъ ставняхъ, наполнившимъ комнату, стукомъ въ окно, при глубокой окружавшей тишинѣ, и старостою съ мѣшкомъ... Я крѣпко сжималъ вѣки глазъ, закутывался въ одѣяло съ головою... меня охватывалъ жаръ, обливалъ потъ, и я не смѣлъ открыться, чтобъ свободно продохнуть.. Помню, что мама зимними днями постоянно сиживала на лежанкѣ, на донцѣ, со вставленною въ него деревянною вилою, и пряла шерсть. Веретено ее жужжало, а я, валяясь по полу, мечталъ, что пойду на войну и буду генераломъ.

Событія 1812 и послѣдующихъ, славныхъ для русскаго оружія, годовъ не только жили тогда въ памяти и въ изустныхъ разсказахъ, но, кажется, и самый воздухъ былъ еще пропитанъ славою этихъ воспоминаній. Къ намъ тогда ѣздило много офицеровъ квартировавшаго въ Зарайскѣ 1-го егерскаго полка. Самъ командиръ полка, полковникъ Степанъ Емельяновичъ Ивановъ, знакомъ былъ съ батюшкою по-пріятельски. Впрочемъ, всѣ дворяне-помѣщики уѣзда его очень любили. Онъ былъ храбрый воинъ, тучный, изувѣченный ранами старикъ, отъ природы умный и веселый. Любилъ кушать жирные пироги и кулебяки и, когда его звали въ гости, особенно обращали вниманіе на приготовленіе колоссальныхъ кулебякъ къ закускѣ. Происхожденіемъ изъ даточныхъ, изъ рядовыхъ, въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, Ивановъ дослужился до чина полковника. Про его человѣческое достоинство разскаывали тогда слѣдующій анекдотъ. Мать его, коломенская крестьянка, узнавъ, что сынъ ея въ Зарайскѣ, пришла повидать его, находить квартиру и спрашиваетъ, гдѣ мой Степушка? Вѣстовые и деньщики стали ее гнать, но она не шла и требовала настоятельно, чтобы вызвали Степушку. Пошли, доложили. Степанъ Емельяновичъ вышелъ и, узнавъ въ грязной крестьянской старухѣ мать, не смотря на свою тучность, упалъ предъ нею на колѣни и поклонился до земли.

Но любимцемъ моимъ, на котораго я смотрѣлъ съ благоговѣніемъ, былъ подполковникъ Муравскій. Я называлъ его мурашкой: маленькій, худенькій, тщедушненькій человѣкъ. Не помню, другіе говорили ли о его храбрости, но самъ онъ, при